

Юрий Корочков

Золотой стандарт
копейки

Юрий Корочков

Золотой стандарт копейки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67817979

SelfPub; 2022

Аннотация

Начало XIX века. После победы над Наполеоном в Европе царит мир, а Россия сокращает армию и ускоренно развивает промышленность и сельское хозяйство. Повсюду шумят стройки, а города связываются сетью шоссейных и железных дорог. Разведка перегружена добычей необходимых для осуществления промышленной революции сведений. На этом фоне в столице империи начинаются странные дела: начинают пропадать самые массовые монеты – копейки. Положение угрожающее, ведь дело не может поправить даже постоянная эмиссия денежных средств монетным двором! За расследование принимается сыщик Третьего отделения тайной канцелярии Григорий Коновицын. Книга написана на основе реальных событий.

Содержание

0	4
X.	64
Послесловие	71

Юрий Корочков

Золотой стандарт копейки

0

Начальник третьего отдела тайной канцелярии империи Александр Христофорович Бенкендорф сидел в кабинете и старался перебороть боль. Последнее время подагра одолевала настолько, что не получалось думать ни о чём на свете, а думать было нужно как никогда! Положение в стране и мире было мягко говоря неоднозначным и ему, как шэфу тайной полиции, нельзя было упускать из виду самых незначительных деталей.

Вот чем, к примеру, считать эту историю с копейками?! С виду сущая мелочь, не стоящая его высокого внимания, но чутьё говорит, что за этим делом кроется большая интрига. Похоже, что ниточка тянется за границу империи, а значит отдавать это дело полиции, как он поначалу планировал, никоим образом нельзя.

Хорошо, что есть в штате бывшие полицейские сыскари, способные расследовать вполне уголовные дела, важные с точки зрения государственной безопасности, но их, увы, немного. Да и заняты сейчас почти все – не знаешь, кого от чего освободить, чтобы поручить новое дело. Вот, разве что,

Григорий. Он, пожалуй, потянет. Тем более, как раз у него сейчас простой: недавно возвратился после сложного задания из Николаева и пока отдыхает. Отдых сыщик, конечно, заслужил, но дело откладывать никак нельзя! На том свете отдохнёт и отоспится!

Итак, решено. Внутри Империи расследование поручим своим людям во главе с хорошо себя зарекомендовавшим Григорием Коновицыным, а на внешнем контуре? Главное, до конца не ясно, в какую сторону копать. Кто же кукловод? Англия? А если Франция? Или вообще Австрия, или набирающая силу Пруссия? Неясно, и ворошить всю агентуру подряд нельзя – люди заняты важнейшими вопросами, отвлекать их сейчас смерти подобно. В той же Франции идёт важнейшая операция по получению образцов новейшего стрелкового оружия. Там заняты все без исключения агенты. То же и в Англии, аналогично в САСШ.

Виднейший специалист военно-морской разведки вынужден добывать в САСШ чертежи паровых машин и даже кирпичных заводов! И, как ни парадоксально, это правильно! Потому что сейчас строится сеть дорог, которая позволит быстро перебрасывать войска между театрами военных действий. Нужны паровозы, нужен кирпич для колоссальныхстроек вдоль новых дорог и всё это нужно не просто получить, а получить дешевле, чем это обходится ныне – в казне, по обычаю, пусто! Один новый кирпичный завод по при-сланным Шанцдорфом чертежам экономит бюджету до мил-

лиона в год, а если завод не один? А машины? Одно дело покупать их за границей, а во время войны? Вот! Так что агентуру задействовать рано! Вот когда появятся результаты расследования Коновицына, тогда и подумаем, кого задействовать ему в помощь.

I

Когда меня охватывает хандра, я вновь и вновь начинаю поход по улицам столицы. Внешне бесцельное, это движение успокаивает нервы, систематизирует мысли и не даёт оторваться от жизни простого народа. Вглядываюсь в лица прохожих, и постепенно в голове начинает складываться картина того, чем дышит город сегодня.

Иду по Невскому. Серое, стылое весеннее утро, а у кондитерского магазина купца Никитина очередь. Слухи по столице разносятся с быстро, и собравшиеся здесь уже знают о вчерашнем приходе в порт «Терпсихоры». Этой ночью у Никитина не спали, и уже с рассветом слуги наиболее влиятельных господ потянулись к небольшой, но отлично известной каждому, лавке на Невском. К обеду, когда господа проснутся, их уже будут ждать свежайший шоколад и сладости. Недаром люди Никитина встречали транспорт на пароходе у линии фортов и увезли с собой несколько мешков какао ещё до начала разгрузки. Конкуренты должны быть посрамлены любой ценой!

Здороваюсь с фрейлиной императрицы девицей Бестуже-

вой, выходящей из лавки с огромным пакетом сладостей, и помогаю ей загрузить покупки на извозчика. Отгоняю от фрейлины знакомого профессионального нищего Захара Полепина по прозвищу гнилая нога. Машинально отмечаю как тот, прежде чем направиться к фрейлине, торопливо прячет полученный от кого-то серебряный рубль. У Захара сегодня явно удачный день.

Начинает моросить противный холодный дождик, и желание бродить по улице исчезает. Захожу в расположенную тут же модную кофейню «Три кита» и устраиваюсь за столиком у окна. За прохожими отсюда наблюдать не менее интересно, да, к тому же, никто не помешает делать пометки и зарисовки в моём походном блокноте.

Заказываю чашечку кофе и осматриваю зал. Публика в кафе чистая, зажиточная, ведь заведение не из дешёвых. В этот утренний час зал почти пуст. Вот два молодых гвардейских подпоручика Семёновского полка. Похоже, что прогуляли всю ночь, и зашли освежиться перед утренним построением. Один из них, совсем молодой безусый мальчик, явно убит горем. Похоже, ему вчера отказала дама сердца. Второй, обладатель пышных, ещё вчера элегантно завитых, а сегодня свисающих мочалой, усов, с трудом держится на стуле. Этот, вероятно, пробовал залить горе товарища вином, но явно переоценил свои силы.

В дальнем углу сидит пожилая дама и с неодобрением бросает на семёновцев строгие взгляды. Надменное выраже-

ние на тяжёлом квадратном лице, и характерный наклон головы выдают англичанку. Судя по платью – гувернантка в одном из очень богатых домов. А больше в этот ранний час посетителей в кафе и нет.

Достаю блокнот и возвращаюсь к наблюдению за улицей. Тем более мне, наконец, приносят поистине прекрасный ароматный кофе. Похоже, на «Терпсихоре» успели побывать не только люди Никитина. Ну нельзя сварить такой напиток из старых, потерявших за долгую зиму всякий аромат зёрен! Тут же явно свежайшая, только что со знанием дела обжаренная южноамериканская арабика. А единственный, пока, транспорт из южной Америки в этом году какой? Правильно, пришедшая вчера и ещё не разгруженная «Терпсихора» с грузом рома, какао, кофе и сахара из Гаваны.

Смотрю в окно на выплывающих из туманной мороси прохожих и пытаюсь угадать их мысли. Вот няня ведёт двух барчуков: мальчишек лет примерно пяти и восьми. Барчуки так и рвутся к витрине никитинской лавки, и няне приходится постараться, чтобы справиться с разбойниками.

Неожиданно на помощь женщине приходит мгновенно просчитавший ситуацию Захар. Незаметно подмигнув няне, нищий начинает представление. Растопырив свои грязные ручищи и искусно имитируя потерявшего всякое соображение пьяницу, он устремляется к детям, выкрикивая, что сейчас-то наконец выдерет их вожжами как сидоровых коз. Перепуганные мальчишки опрометью бросаются вдоль улицы,

а Захар с хитрющей улыбкой отвешивает няне элегантный поклон.

Молодая задорная улыбка освещает усталое лицо няни, и становится понятно, что ей ещё нет и пятидесяти, хотя буквально пару минут назад она выглядела совсем старушкой. Женщина кидает нищему монетку, которую тот ловко ловит на лету, и со смехом устремляется за подопечными. Довольные представлением покупатели из очереди улыбаются и смеются, несмотря на дождик.

Настроение поднимается и у меня. Расплачиваюсь с официантом, получаю на сдачу целую кучу новеньких, блестящих как солнце, ещё совсем не затёртых копеек, и покидаю кафе. Меня уже ждёт шеф – стареющий, но всё ещё всесильный Александр Христофорович Бенкендорф.

II

– Проходите, Григорий Иванович, присаживайтесь. – Обращается ко мне Бенкендорф. Шеф сегодня явно в хорошем настроении, несмотря на серьёзность дела, которое собрало в его кабинете меня и ещё двоих незнакомых господ.

Один – высокий и худой мужчина сорока, примерно, лет. Лицо у него аристократического вида, бледное, вытянутое, под глазами мешки, которые он тщетно пытается скрыть с помощью массажа и притираний. Одет этот гость шефа в безупречно сидящий тёмно-коричневый костюм английского сукна.

Второй гость попроще. Мужчина ближе к пятидесяти, с большой залысиной на круглой голове. Костюм на нём хороший, чесучовый, но сидит непривычно – явно оделся в лучшее для встречи с большим начальством. Руки сильные, на не находящих себе места ладонях заметны мозоли. Похоже – выходец из простолюдинов, но явно с образованием, скорее всего – техническим. Держится напряжённо, лицо так и застыло, а глаза бегают между аристократом и шефом.

– Познакомьтесь, – продолжает шэф, – Граф Панин, Александр Викторович, товарищ министра финансов, с ним Иван Сергеевич Афанасьев – старший техник монетного двора. А это, господа, Григорий Иванович Коновицын. Он будет заниматься вашим делом со стороны Третьего отделения. С ним можно быть абсолютно откровенным. Прошу, Александр Викторович, посвятите Григория Ивановича в суть дела.

Бледный граф встаёт и начинает ходить по кабинету, чем вызывает понятную мне, но не замеченную ни им, ни Афанасьевым короткую гримасу недовольства на лице Бенкендорфа. Руки у графа едва заметно подрагивают. Заметно, что он очень волнуется. Наконец, собравшись с мыслями, Панин начинает говорить.

– Для начала, Григорий Иванович, покажите нам, пожалуйста, деньги, которые у вас с собой.

Достаю портмоне, и с мыслями о вконец обнаглевших фальшивомонетчиках протягиваю графу пачку ассигнаций.

– Не эти, Григорий Иванович, – улыбается граф. – У вас же есть мелочь?

Мелкие монеты я по старой привычке храню просто навалом в кармане штанов. Доставать их сидя неудобно, и я взглядом прошу у шефа разрешения встать. Достаяю монеты, и складываю их на стол перед собравшимися. Все смотрим на небольшую кучку денег.

– Григорий Иванович, вам ничего не кажется странным в этих монетах? – спрашивает граф.

Деньги как деньги. Два серебряных рубля отчеканенных в предыдущее царствование, несколько серебряных же полуполтиников и полтин, десяток различной степени затёртости двух и пятикопеечных монет, и кучка новеньких, выделяющихся блеском, копеек.

– Не вижу ничего особенного, господин граф. Обычная мелочь. Хотите сказать, что некоторые из этих монет фальшивые?

– Ничуть. Эти монеты, судя по всему, абсолютно настоящие. Но у вас, Григорий Иванович, как, кстати, и у меня, да и у каждого, почти, жителя империи, большая часть мелочи не нова. А вот копейки в этой кучке только что со станка. Обратите на этот факт самое пристальное внимание. Впрочем, пусть расскажет уважаемый Иван Сергеевич. Он отвечает на монетном дворе за выпуск новых партий денег.

– Господа, простите за дерзость, и прошу вашего терпения. Возможно, многое из того, что я скажу, покажется вам

вещами самоочевидными, но они нужны для полного понимания картины происходящего.

Лицо Александра Ивановича несколько напряглось. По краям залысины выступили маленькие капли пота. Видно, что держать речь при столь высоком начальстве ему непривычно. Особо боязливые взоры он бросает на шефа и на меня. Однако, говорит этот человек увлечённо. Сразу видно, что в теме он разбирается досконально, и за каждое слово готов дать ответ. В целом, Александр Иванович производит самое приятное впечатление.

– Известно, что деньги, как и все вещи, имеют свой срок службы. Ассигнации рвутся, пачкаются, мокнут под дождём, да и просто затираются от постоянного складывания достаточно быстро. Можно считать средним сроком службы бумажных денег лет пять-десять. Соответственно, мы производим новые выпуски ассигнаций, чтобы количество наличных денег на руках населения оставалось примерно одинаковым.

Не так с монетами. Часть их, безусловно, выходит из оборота по различным причинам, и мы вынуждены чеканить новые монеты. Новые серии монет, само собой, чеканятся и при каждом новом императоре. Однако, по нашим ориентировочным расчётам, каждая копейка, да и вообще любая монета, в среднем служит не менее полусотни лет, а чаще – куда как дольше.

Так и было, пока полгода назад на монетный двор не стали поступать срочные заказы на печать копеек. В Петербур-

ге и окрестностях эта, одна из самых ходовых, монета в од-
ночасье исчезла из оборота. Владельцы торговых заведений,
купцы, и прочий торговый люд оказались в очень сложной
ситуации. Им стало очень сложно давать сдачу покупателям.

Да и сами покупатели стали странными. Если раньше
прачка или кухарка получала своё жалование еженедельно и,
преимущественно, теми самыми копейками, то вдруг хозяе-
ва стали расплачиваться реже, но более крупными деньгами.
Некоторым слугам даже стали платить вперёд!

Положение складывалось угрожающее, и монетный двор
был вынужден чеканить новые выпуски копеек, чтобы по-
крыть внезапный дефицит. Вообще говоря, подобное иногда
происходит, но есть особенность. Если раньше с рынка исче-
зала известная масса денег, то было достаточно восполнить
её новым выпуском, и на том кризис завершался, но на этот
раз так просто выйти из ситуации не получилось.

Срочно выпущенные монеты не насытили рынка. Они
продолжили исчезать с пугающей скоростью. Монетный
двор был вынужден продолжать эмиссию, выбрасывая в обо-
рот всё большие массы копеек, но эффект получался исклю-
чительно кратковременным. К настоящему времени мы вы-
пустили копеек уже на несколько миллионов рублей, и почти
все они бесследно исчезли.

Сейчас перед монетным двором стоит огромная пробле-
ма. Печатный станок, на котором выпускаются копейки, ра-
ботает на износ, и скоро потребует капитального ремонта.

Мы заказали новый, но дело это небыстрое, и может настать момент, когда выпускать новые деньги в необходимых количествах монетный двор не сможет. Вчерашний осмотр станка даёт основание надеяться, что до лета мы продержимся, а там... Нужно что-то решать.

Техник произвольно развёл руками и замолчал. В принципе, он сказал всё, что требовалось, и теперь дело начальства принимать необходимые решения. Бенкендорф бросил на Панина вопросительный взгляд, и граф продолжил.

– Мы провели анализ. Выпущенные сегодня монеты совершают всего десяток другой операций на рынке, а потом оседают у таинственного покупателя. Как вы слышали, эмиссию монет скоро придётся прекратить, и что тогда? Коллапс в сфере торговли? Но и возвращать исчезнувшие деньги в оборот смерти подобно.

Если одномоментно выбросить на рынок начеканенные за эти полгода монеты, денежная система если не страны, то, как минимум, Петербурга и губернии будет полностью дезорганизована. Может начаться бунт самых малообеспеченных слоёв населения, что, согласитесь, нам совсем ни к чему.

– Вот поэтому, Григорий Иванович, – вмешался в разговор Бенкендорф, – вы найдёте нам тех, кто стоит за происходящим, а мы уж решим, что с ними делать, исходя из государственных интересов.

III

Итак, сегодня мне предстоит навестить уникального, в своём роде, человека. Виктор Вениаминович Пурга – знаменитый в прошлом фальшивомонетчик, а ныне уважаемый ювелир и владелец лавки изящных вещей в самом центре столицы.

Выходец из Винницы, Виктор Вениаминович в начале века прославился тем, что его векселя принимали к оплате во всех банках Европы. Всё изменилось во время вторжения Наполеона. Французские мародёры убили молодую жену Пурги и надругались над его дочерью, после чего девочка покончила с собой, а отец поклялся отомстить. Фальшивомонетчик здраво оценивал свои силы, и не пошёл в партизаны. Виктор Вениаминович попросту нанял знакомого профессионального убийцу, который принёс Пурге головы и иные части тела обидчиков.

Однако, совершив законное возмездие, Пурга не почувствовал успокоения. Виктор Вениаминович пришёл с повинной к генералу Дурново и изъявил огромное желание положить все силы на одоление супостата, после чего незамедлительно был переправлен в Петербург, где и получил в своё распоряжение соответствующие возможности.

Изготовленные вскоре Пургой облигации государственного займа Французской империи, как, впрочем, и фунты стерлингов его же работы немало способствовали скорейшей победе русского оружия. Особенно после того, как наша армия начала заграничный поход.

После победы Пурга готовился к пожизненной ссылке в Сибирь, подал прошение на поселение в Иркутске, но именным указом императора был полностью помилован, и даже награждён орденом святой Анны за выдающиеся заслуги перед Отечеством.

Растроганный Виктор Вениаминович завязал с преступным прошлым и занялся ювелирным делом. Теперь его граюры и художественное литьё тончайшей работы пользуются заслуженной славой в свете.

Пожилой мастер встретил меня очень вежливо. Сознаюсь, ещё в бытность мою в полицейском управлении, я несколько раз навещал лавку Пурги в качестве простого покупателя. Мне было очень любопытно посмотреть на знаменитого преступника, но тогда мы с ним не перемолвились и парой слов – я лишь издали видел проходящего в свой кабинет хозяина, пока обсуждал с приказчиком достоинства приобретаемого канделябра.

Сперва Виктор Вениаминович с негодованием отверг мою просьбу о помощи следствию, поразившись бестактности нынешних жандармов, однако выслушать меня всё же согласился. И когда понял, что дело вовсе не о поимке его бывших товарищей по ремеслу, а скорее всего о внешнеполитической акции против России, расцвёл. Старику было приятно вспомнить лихую молодость и ощутить, что он до сих пор нужен и пользуется уважением в соответствующих кругах.

– Подделывать копейки? Нет, никогда не пробовал. Да и

зачем? Результат не стоит труда. Вот серебряные рубли да, было дело. В своё время я разработал совершенную методику покрытия меди тончайшим слоем серебра. Вот, смотрите.

Мастер подал мне два серебряных подсвечника с витрины его лавки. Оба были совершенно одинаковы по виду и весу, но цена, которая значилась на привязанных к подсвечникам кусочках картона, отличалась вдвое.

– Это демонстрационный образец. Вообще, я изготавливаю на заказ почти любые предметы, которые должны выглядеть серебряными. Услуга пользуется большой популярностью у тех, кто хочет иметь дома красивые и дорогие вещи, но не может себе позволить подлинники. Уверяю, большая часть Петербурга использует именно такие аксессуары. Вот, возьмите пилку и надпилите в любом месте.

Опыт оказался поразительным! Один из подсвечников представлял собой нормальную серебряную отливку, а вот второй... Второй показал свою суть уже после нескольких движений пилки: под тончайшим слоем серебра проступила обычная красная медь!

– Но как? Ведь вес подсвечников совершенно одинаков! Серебро же ощутимо тяжелее меди!

– А свинцовая дробь, которой заполнена внутренность этого шандала, тяжелее серебра, – усмехнулся ювелир. Но, по правде говоря, подделывать даже и серебряные монеты не слишком выгодно. Хорошая копия стоит не намного дешевле оригинала, увы. А вот «золотые» луидоры и песо, которые

мы делали под конец войны, принесли казне немалую экономию. Вот только не надо говорить мне про нравственность. Я абсолютно точно знаю, что подобным образом поступали все без исключения державы. К концу войны дошло до того, что монеты новых выпусков немецких городов ценились втрое ниже номинала! И это проверенные настоящие монеты, только что из казначейства. Серебра и золота в тех монетах было чуть ли не меньше, чем в хорошей фальшивке!

– И всё же, Виктор Вениаминович. Какую ценность могут представлять самые обычные копейки, чтобы платить за них дороже стоимости?

– Ценность... Не знаю, Григорий Иванович. Разве что металл. Понимаете, монетный двор не покупает металл на стороне. У этого почтенного заведения имеется целая сеть казённых заводов на Алтае. Так вот, никому ведь, по большому счёту, нет дела, насколько чиста медь, используемая для изготовления копеек. Вот монетный двор и экономит на очистке руды, чтобы себестоимость монеты была, по крайней мере, ниже номинала. К примеру, медь, идущая на обшивку кораблей, несопоставимо чище, но и втрое дороже того металла, который используется для изготовления мелких денег. Фактически, это бронза весьма причудливого состава. Причём, что интересно, для разных монет используется, как правило, разный металл. Эта практика сложилась исторически, и важна для стабильной работы штамповочных станков. Об особенностях производства денег в казначействе я узнал, ко-

гда налаживал на базе монетного двора производство луидоров.

В своё время, занимаясь художественной ковкой и литьём, я перепробовал немало различных материалов. В том числе делал сувениры из монет. В углу лавки вы можете видеть набор курительных трубок с окантовкой из серебряных рублей, мониста из копеек, китайские медные трубочки. Так вот, бронза, из которой штампуются копейки, при длительной ковке приобретает приятный золотистый цвет и обладает дивной упругостью. Порой я делаю из неё неплохие пружины. В определённых кругах также пользуются популярностью медные трубки для курения гашиша, изготовленные из переплавленных копеек. Но, слава Богу, это товар штучный, большого спроса на него нет.

Покидал лавку Пурги я со смешанным чувством. С одной стороны, я ни на шаг не приблизился к решению проблемы, а с другой – было отчётливое ощущение, что разговор прошёл не впустую. Просто что-то, из сказанного бывшим фальшивомонетчиком, осталось мною не до конца понятым в контексте нынешнего расследования. Что ж, так бывало уже не раз, информация всплывёт в свой час, а пока продолжим копать в других местах.

IV

Ох...тяжело то как...В ушах гудит, в рот будто кошки нассали, в правом боку что-то ворохается, спину стреляет,

будто всю ночь таскал мешки на разгрузке в порту. Уфф... похмелье во всей красе.

Стоп! А отчего же так хреново то?! Пил не первый раз, и с пары штофов водки, пусть употреблённой с весьма скромной закуской и в компании не слишком приятных людей такого не бывает! Хотя... то с хорошей водки, а вчера употребляли редкостную борматуху. Как жаль, что приходится иметь дело с этими отбросами, но без них пока никуда. Главное – не стать таким же! Так что быстренько встаём с лавки, чарочку рассолу и бегом вокруг пруда! И больше в этой компании ничего, кроме принесённого с собой, не есть и не пить!

Скидываю одеяло, с трудом отдираю задницу от лавки и непроизвольно хватаюсь за стену. А на ногах то устоять не так и просто! Видно, все-таки, и годы сказываются! Ковыляю в угол комнаты, где меня уже дожидается кувшин с водой для умывания, тазик, и ночной горшок для отправления нужд противоположных. Кувшин ледяной воды на голову делает своё дело – в голове проясняется достаточно, чтобы вспомнить, что же было вчера. Но воспоминания подождут – нужно немедленно приводить себя в порядок.

Не без труда одеваюсь и выхожу на улицу, а тут чудо как хорошо! Небольшой деревенский домик стоит на самом берегу лесного озера. Снег сошёл, и земля уже слегка просохла, но листьев пока нет, отчего косые утренние лучи солнца легко пронизывают лес, наполняя его сказочным светом.

Заставляю упорно не желающее слушаться тело бежать.

Мягкая, упругая подстилка из прошлогодней травы и опавшей хвои холодит босые ноги. Сперва кажется, что вот сейчас умрёшь, но постепенно организм втягивается в ритм, кровь начинает быстрее бежать по жилам, и в голове, наконец, окончательно проясняется.

Заканчиваю пробежку вокруг озера у небольших мостков, с которых так приятно порой поудить в изобилии водящуюся здесь рыбку. С разбегу прыгаю в обжигающую весеннюю воду, ещё недавно покрытую льдом, быстро вылезая на берег и бегу к своей избушке.

Вот, теперь, растеревшись жёстким льняным полотенцем и закутавшись во шлафрок, можно устроиться у тёплого бока печурки и спокойно обдумать то, что удалось узнать вчера.

Итак, мне, похоже, удалось выйти на след. Я не слишком верил в уголовную версию, да и правильно, но лишь отчасти. Заказчик явно не из бандитов, но и криминальные круги столицы не смогли остаться в стороне от такой крупной аферы, как массовый «вывод» копеек с рынка. Но обо всём по порядку.

После интересной, но бесплодной беседы с ювелиром я решил отработать криминальную версию. Хорошо известно, что нищие собирают огромное количество денег, и порой зарабатывают куда больше, чем достойные честные люди. Притом доход их состоит, преимущественно, из денег самого низкого номинала, и было бы вполне логично использовать их труд для аккумуляции мелкой монеты.

Вчера, запасшись горстью мелочи и переодевшись в чистую и опрятную, но простую одежду, я направился на набережную Лиговского канала, где располагаются извозчицьи дворы, питейные дома и притоны самого низшего пошиба. Здесь, во вполне приличном, по местным меркам, трактире «Пряник» у меня была назначена встреча с нищим-виртуозом – Захаром гнилой ногой.

На улице вновь моросило, от канала задувал пронизывающий ветер, а в трактире было чудо как хорошо. В «Пряник» абы кого не пускают – два амбала на входе почтительно расступаются перед «чистой» публикой и взашей гонят пропивших соображение пьянчуг, сунувшихся в достойное заведение.

Прохожу общий зал, где степенно накачиваются водкой личности весьма подозрительного вида – с первого взгляда похожие на зажиточных мастеровых, но по хищным, и, одновременно, настороженным взглядам, кривым усмешкам и той, невыразимой словами, но ощущаемой всей кожей наглой уверенности в себе ясно – тут собралась компания бандитов. Именно бандитов, а не, скажем, воров-карманников, или форточников – у тех совсем иная манера держаться, другие привычные жесты. Не самое приятное соседство, но что поделать – если всё пойдёт нормально, то я тут не задержусь.

Примерно треть зала представляет собой приподнятый помост, на котором располагаются отделённые друг от друга ширмами «кабинеты». Устраиваюсь за свободным столом,

и ко мне живо подбегает половой. «Пряник» – по своему особое заведение, отличающееся от прочих наличием в меню блюд кавказской кухни. В своё время вполне заурядный трактир был выкуплен его нынешним владельцем Кобой Цихисели. Лидер кавказской общины Петербурга пожелал и в столице кушать блюда родной Грузии. Вскоре многие оценили прелесть Аджахури по Аджарски, чуреков, Люля и прочих изысков, и «Пряник», сохранивший старое, не отвечающее нынешней сущности название, стал весьма популярен в определённых кругах.

Заказываю Кучмачи с телячьими потрохами, жаренную с грибами картошечку, и, в ожидании заказа принимаюсь за мигом принесённую официантом бутылку красного сладкого вина под горячую лепёшку из тандыра.

Не успеваю покончить со вторым стаканом вина, как к моему столику присаживается крупный молодой человек. Возрастом слегка за тридцать, в элегантном костюме добротного сукна, он распространяет вокруг себя запах кёльнской воды. Если не знать заранее, признать в моём визави уличного попрошайку Захара Полепина, известного под прозвищем «Гнилая нога» невозможно. Захар кидает пару слов официанту, и перед нами из ниоткуда появляются запотевший штоф, крупно нарезанное сало, очищенная луковица и краюха свежайшего, ещё тёплого ржаного хлеба. Грузинская кухня моего собеседника явно не прельщает.

Я знаю Захара давно, и он чётко представляет с кем имеет

дело, потому играем в открытую. Не скажу, что мой визави рад делиться информацией, но большого выбора у него и нет – завербовал я его более десяти лет назад, на самой заре карьеры успешного попрошайки, когда он не брезговал совмещать свою «благородную профессию артиста» с банальным воровством, а в «нерабочее» время подряжался на разгрузку контрабанды.

Вот во время одного из таких «дел» молодой Захар и попал по крупному. Надо же было этому идиоту зарезать таможенного чиновника, нагрянувшего с внезапной проверкой на уже ошвартовавшийся, но ещё не прошедший досмотра бриг, с которого Захар со товарищи как раз сгружали французскую галантерею. Так то, с грузчика какой спрос – отси-дел бы пару дней в каталажке, да и отправился восвояси, а вон оно как обернулось.

Угостили Захара перед работой трубочкой с опиумом, привиделось ему Бог весть что, и отправился бы мил человек в Сибирь как минимум, потому как убийство коллежского регистратора при исполнении им служебных обязанностей уже не мелкая шалость с контрабандой.

На счастье, то дело попало в мои руки, и я решил, что молодой, явно талантливый в своём роде парень может замолить свои грехи и в столице. Если, конечно, будет честно сотрудничать лично со мной и выполнять всё, что скажут без сомнений и колебаний. Нетрудно предугадать выбор, который сделал неглупый юноша. С тех пор Захар с опиумом за-

вязал, благо привыкнуть к нему не успел, а у меня появился достаточно перспективный агент, поднявшийся не без помощи управления полиции до приличных высот на избранном поприще.

Потягивая очень неплохое вино, начинаю расспрашивать Захара о жизни, о новостях «дна» столичного общества. Спешить тут не следует, часто в такой вольной беседе узнаёшь гораздо больше, чем при допросе. Просто потому, что здесь всплывают факты, о которых ты не имел никакого понятия и не догадался бы спросить. Но сейчас всё не так. Нервно озираясь, мой визави выпивает стакан водки, и показывает глазами на выход. После чего смачно закусывает луковицей, встаёт из-за стола и направляется к чёрному ходу. Это что-то новенькое!

Оставляю на столе трёшку – за нашу еду и приличные чаевые, накидываю пальто, и выхожу через парадную дверь. Никто не проявляет особого интереса, но ведь не станет же опытный агент просто так паниковать, а Захар явно паникует.

На улице быстро идём вдоль канала, сворачиваем в подворотню, где нищий подхватывает узел с каким-то тряпьем и протягивает мне замызганный до последней крайности клифт. Всё это молча. На ходу переодеваемся, прячем волосы под шапками, делаем на лицах несколько грязных разводов, и выходим на соседнюю улицу. Темно, но я представляю, что выглядим мы сейчас двумя мастеровыми, возвра-

щающимися после тяжёлого трудового дня.

Ещё один поворот, очередной проходной двор, неприметная дверь без вывески, и мы оказываемся в кабаке очень низесреднего пошиба. Как раз для таких работяг, какими мы сейчас и выглядим. Присаживаемся к крошечному, грязно-липкому, но отдельному столику. О меню в подобном заведении речи, понятно, не идёт, но по щелчку пальцами поднятой руки и здесь очень быстро появляется мальчишка в засаленном переднике с подносом, на котором возвышается штоф, пара неизменных луковиц, тарелка солёных огурцов и краюха хлеба. Выпиваем по первой. Отрава редкостная! Как вообще можно пить нечто подобное и не помереть?! Но деваться некуда, вокруг все пьют именно «это», и мы продолжаем начатую беседу.

Для начала Захар объясняет, почему нам пришлось покинуть «Пряник» – те самые личности, что глушили водку в общем зале, людишки Митьки рыжего, их Захар узнал сразу. Один из них шепнул проходящему мимо Захару, чтоб тот сматывался – мол, скоро «начнётся» – люди рыжего будут «учить» нового авторитета Пашку Викинга – тот совсем не по правилам зарезал предыдущего «смотрящего» и творит беспредел, вот и надо его «окоротить». Очень-очень интересно!

Слушаю излияния «нищего», и делаю для себя зарубочки на память. Новый главарь бандитов забрал под себя почти всех «профессиональных попрошаек», после того, как звер-

ски убил предыдущего смотрящего. На Невском открылись несколько кафе, в которых торгуют напитками, сдобренными настойкой кокки, о чём клиентам не сообщается. С этими господами нужно поработать, вежливо объяснив, что подобные способы привлечения «постоянных клиентов» неприемлемы.

Стоп! А вот это, похоже, то, что нужно! Не показывая обострённого интереса, вслушиваюсь в слова своего визави, а они становятся всё занимательнее. Речь снова о новом, внезапно возникшем в столичном уголовном мире вожаке – Пашке викинге. Это настоящий отморозок – убивает людей направо и налево, чувств никаких не изведав. Нескольких, отказавшихся платить усиленную дань нищих показательно «привёл в соответствие» – отрубил конечности, которые до того ловкие бродяги лишь изображали отсутствующими. В общем – зверюга! Но дело это не моё – это вопрос к полиции, а вот то, что викинг стал требовать дань непременно копейками уже интересно.

Захар нищий непростой – он элита! Он не платит доли с дохода – только фиксированную мзду. Иные, даже и очень известные, нищие не решаются на такое – ведь заплатить нужно очень немало, и большой вопрос – не останешься ли в минусе. Но Захар с самого начала карьеры не мог иначе! Достаточно один раз посмотреть на унижительную процедуру ежедневного сбора дани, когда грубый «смотрящий» может по малейшему подозрению в укрывании самой мелкой

полушки приказать раздеваться догола и шмонает по грязному тряпью. И, не приведи Господи, что-то найдёт! Плеть у «смотрящего» всегда под рукой, а потом будет и штраф. Нет! Это не для привыкшего к самоуважению Захара!

Он ведь и попрошайкой был не простым. Не изображал ничтожного калеку, и не давил на жалость. Захар был скорее уличным скоморохом, избравшим необычное амплуа нищего. Обычной тактикой Захара было найти в толпе подходящего человека, находящегося в раздраенных чувствах, и привлечь его внимание. Тут годилось всё! Нищий мог, к примеру, сплясать, старательно изображая, притом, болезнь правой, вечно гниющей ноги. Когда по улице толпой шли подгулявшие солдатики, Захар запевал строевую песню, да так ловко её искажал, что всегда попадал в такт совершенно неслаженным движениям служивых. Толпа приходила в восторг, и «калека» собирал немалые деньги.

Но сейчас не об этом. Суть в том, что Захар платил свои десять рублей в месяц, и пользовался полной свободой заработка на центральных улицах столицы. А тут ему в крайне невежливой форме предложили платить «налог» исключительно копейками, да по курсу сто двадцать копеек за рубль. Да ещё и устроили для «вразумления» просмотр публичной расправы над несогласными: двоим нищим отрубили руки. И весь этот беспредел творит новый «смотрящий» – некто Паша Викинг. Этим персонажем определённо стоит заняться.

Закончился вечер безобразно. Отвратительное пошло лилось рекой, и я с трудом нашёл извозчика, согласившегося отвезти моё брненное тело до избышки. Но, пожалуй, оно того стоило! Теперь нужно повидаться с викингом. Захара для организации встречи привлечь нельзя ни в коем случае, ну да у меня есть способы передать главарю бандитов приглашение. Вот только встречу нужно подготовить со всем тщанием. Такие мерзавцы, как этот Паша понимают исключительно грубую силу, продемонстрировать которую нужно в полной мере!

V

Пашка викинг – высокий, стройный, ладно скроенный парень лет двадцати пяти-тридцати, не более. Всё в нём располагает: большие весёлые синие глаза, удалой клок светло-пшеничных волос из под сдвинутой набок кепки, небрежные, уверенные манеры духаря – уголовника, не боящегося ничего и никого. Эдакий синеглазый «добрый молодец», почти Иван царевич, если не знать, сколько на его счету смертей. Встречались мне душегубцы, но этот – особенный!

Судя по тому, что удалось о нём узнать, Пашка убивал людей не ради денег, не ради выгоды – он убивал просто так, не испытывая никаких мук начисто отсутствующей совести. Небывалая жестокость выделила его из серой массы уголовного мира, привлекла внимание высоких покровите-

лей, и вознесла на вершины – сейчас Пашка слыл одним из главных «авторитетов» столицы. Нелюбимый даже и в уголовной среде, Пашка вызывает у этих людей смешанное со страхом почтение, и держит под контролем целые «сферы» преступной деятельности. Под его «патронажем» находятся, в том числе, попрошайничество и работорговля.

Когда я говорю о работорговле, я не имею ввиду крепостных, хотя их часто называют рабами. Я о настоящих, полностью бесправных рабах, которых нелегально вывозят на продажу, как правило, за границу. Есть, увы, и в нашей стране спрос на этот «товар». Не перевелись садисты и извращенцы в среде самого высшего общества. После ряда громких процессов, когда кое-кто был лишён дворянского звания, а другие серьёзно поражены в правах, бесчинства по отношению к собственным крепостным слава Богу почти сошли на нет, но вот тогда... тогда в столице заработал чёрный рынок рабов, на котором можно купить нигде не учтённые «души» и делать с ними что заблагорассудится.

Но не будем отвлекаться. Было далеко за полночь, и я сидел за столом в своей загородной избушке, коротая время за чтением затрёпанного томика Руссо. Я ждал его, и, всё равно, появление душегубца стало неожиданным.

Викинг вошёл в комнату не постучавшись, не снимая кепки, в руках его сверкнула сталь, и со стола посыпались сметённые небрежным взмахом кавалерийского палаша бумаги.

Я продолжал сидеть на своём месте, изображая на лице

полнейшее равнодушие, хотя мне, на мгновение, и сделалось не по себе. Пускай в лесу притаились верные жандармы, пускай под столом закреплены два взведённых пистолета, а взмахни Пашка сейчас своим палашом, и лично для меня всё будет кончено. Но викинг пришёл говорить. Остальное – игра.

Проигнорировав стул, Пашка присел на край стола, заняв «господствующую», в его понимании, позицию. Он достал из кармана изящный деревянный футляр, из которого извлёк дорогую сигарету, оловянный пенал со спичками, и закурил, пуская колечки дыма в потолок и всем своим видом изображая наслаждение от этой модной забавы, завезённой в Россию Екатериной Великой.

– Вот ты, говорят, хотел увидеть меня, мол, толковище есть, – начал Пашка без приветствия после того, как пару раз пыхнул сигаретой. – Так о чём базар? Моё время, оно, знаешь, дорогое.

– Паша, хватит ломать комедию. Тобой заинтересовались серьёзные люди, а не фраера дешёвые, – сказал я, доставая «корону». – Мы всё о тебе знаем, и серьёзных претензий к тебе до последнего времени не имели. Но вот афера с копейками... Монетный двор понёс существенный ущерб, но пока готов договариваться. Ты понял? Пока! И только на условиях полной, с твоей стороны, откровенности. Ты, викинг, здесь, сейчас и в подробностях расскажешь зачем тебе копейки в таких немислимых количествах, откуда деньги на их покуп-

ку, и только после этого мы обдумаем, что с тобой делать дальше.

– Туфту гонишь! Говорить будем на моих условиях, а то ведь можно тебя – «кряк», а потом с хозяевами твоими поговорить, – хищно улыбнулся Пашка. Мои слова он явно серьёз не воспринял, а зря.

– а ты сходи до окошка, Паша, выгляни на улицу, может, что интересное увидишь, – с доброй улыбкой промолвил я.

Пашка метнулся к окну, мельком выглянул на улицу, и рука его дёрнулась к палашу.

– А вот это не советую! – Между глаз викинга смотрел взведённый пистолет. – Шансов на силовую акцию у тебя, Пашенька никаких, так что отбрось ножичек вон в тот дальний угол, и садись в кресло. Пора, наконец, поговорить.

Не скажу, что поведение собеседника стало для меня неожиданностью, ведь я знал, что он увидел из окошка: строй солдат, стоящих с приставленными к головам его подельников ружьями. Подельники, что характерно, стояли на коленях с забитыми кляпами ртами и связанными за спиной руками. Наши люди умеют работать тихо – никто не спугнул главного разбойника вознёй, тем более не позволил крикнуть или выстрелить ни одному из бандитов. Всех скрутили очень тихо и деликатно, после чего организовали показательную мизансцену и мигнули в окошко солнечным зайчиком от фонаря.

Нужно отдать должное, страх, метнувшийся в глазах Паш-

ки, когда он увидел текущий расклад сил, почти неуловимо быстро сменился напускной уверенностью. Бандит отбросил палаш в угол, и развалился в кресле, привинченном к полу посередине комнаты.

– А ты и впрямь не фраер, Григорий Петрович, весело улыбнулся бандит. – Убери пушку, – гуторить будем. С чего начинать то?

– С начала, Паша. С того места, где ты познакомился с людьми, надоумившими тебя перейти нам дорогу. Можно подробно – время у нас есть.

– Ну, с начала, так с начала. Сталбыть, пару лет назад отбывал я срок на Алдане. Та ещё была работёнка – долбить руду в золотой шахте. Надоело мне это быстро, и я с одним корешем надумал оттедова оборваться. Толика руку знаешь? Высокий такой, рябой. С клешнями у него порядок, а вот с головой не очень – любит он ворогам пальцы отрубать. За что и поплатился – свидетелей убивать нужно, а не калечить, ну да сейчас не о том.

Оборвались мы гладко и на Лене, сталбыть, смыли с одного склада форму приказчиков Ленской золотой кампании. Бухала у нас были, липовые паспорта тоже – мы их получили в одном шалмане. Вот енто мы с Толиком на левом баркасе и отправились по Лене шерудить как приёмщики золота от старателей. Выбирали, понятно, мелкоту, чтоб не засветиться раньше времени.

Работали культурно благородно: мы высаживались, фрае-

ры без слов несли золотую мазуту. Мы им, обратно, муки, солонины, иной харч подкинем, расписочку напишем и рас-прощаемся, трудитесь, мол, дорогие, кампания о вас помнит, и шлёп-шлёп дальше.

Собрали пуда по три золотишка, и поняли, что пора сворачивать лавочку, а то не ровен час кампания своих охотников варнаков вышлет, а оно пострашнее солдат будет.

В том же малиннике дали нам наводочку: в Красноярске живёт один старый еврей, человек верный, скупает золотишко. Мы рванули туда, рыжую мазуту ентому фраеру предъявили, а когда он деньги принёс, мы его вот так – кряк.

Тут Пашка весело крякнул, задорно подмигнул одним глазом и стукнул выставленным большим пальцем о подлокотник.

– Сделали того деда начисто, а с его деньгами и нашим золотишком мотанулись в Омск, повторить цирковой номер ещё разок. Здесь, конечно, фраернулись – еврей то, оказалось, не сам по себе, а под англичанкой ходил. Заказали нас с Толиком, но и мы не фраера голимые! Тройх варнаков мы положили, Толика зарезали, а меня к самому ихнему главному привели.

В компенсацию ущерба забрали всё наше золотишко, и предъяву сделали – надобно, мол, нескольких людишек в Омске и Красноярске отправить на беседу с апостолом Петром, пушай тот их за грехи земные поспрошает. Ну, мне что, я тех беспечных фраеров быстренько кряк и всё – это не с

варнаками дело иметь.

С тех пор заказы частенько приходили, в столицу перебрался. Порядок тут навёл, а то, понимаешь, каждая падла норовила сама нищенствовать и вобщак не платить! Совсем тут разболтались без Паши Викинга! Но я их всех к ногтю! Всего то и пришлось парочку наглых урок крякнуть, да за спиной посматривать, чтоб какая сволочь пером селезёнку пощекотать не надумала. Зато с остальными договорились – теперь все падлы попрошайки подо мной, и фурштатская сторона целиком только мне дань платит!

– Хорошая карьера, Паша, ну а дальше то что?

– А дальше просто. В прошлом году явился ко мне сэр Генри Роджерс. Он, сталбыть, главный у них в Петербурге. По-русски, собака, говорит, да так, что вот от тебя и не отличишь! И, значит, заводит такой разговор. Мол, хватит тебе, Паша, мелочёвкой пробавляться. Видим мы, что не фразер ты дешёвый, а конкретный человек – можешь крупняк потянуть. И, значит, большой такой свёрток мне протягивает – а там тридцать тыщ целковых! Это, говорит, тебе задаток, а нужны мне копейки. Но не просто копейки, а много – мешками! И платить пообещал вдвое от собранного! Но при одном условии – раз в месяц их корабль уходит в Лондон, так вот, на каждом должно уехать не меньше мешка с копейками.

От таких предложений не отказываются! Напряг я, сперва, шпану и попрошаек своих, мол, сдаём доходы, меняем

копейки на рубли. Но этот гадский сброд не захотел по-хорошему нести хабар! А ведь я им предлагал рубль за каждые 110 копеек! Щедро! Пришлось кое-кому стать настоящими калеками! Но всё равно... и сейчас, уверен, больше половины дохода утаивают, падлы! В общем, в пересчёте на мешки, товару собиралось мало, не стоила игра свечей, а отказаться никак!

Но Пашка викинг не дурак! Куда все падлы пропойцы да попрошайки последнюю копейку несут? Правильно – в кабак! А жёнушки их затруханные? Опять верно – в мелочную лавку да к старьёвщику! Короче, пришлось мне поступиться – теперь уже я за 90 копеек рубль платил, но вся эта шушера, все старьёвщики да трактирщики моим сямкам доход несли! Пошли дела! Зимой, ясен пень, шляпы не ходят, но сэр Генри всё одно по таксе хабар принимает, ждёт весны! А что сейчас будет? Ни в жисть не поверю, что твои хозяева в убытке от того, что копеек меньше! Вы ж их шлёпаете пудами! Небось прознали, да в долю хотите?

– Умный ты больно, – подмигнул я бандиту. Ни к чему ему знать мой настоящий интерес. Предложенная им самим версия идеальна, и позволит не спугнуть более крупную дичь, чем этот мелкий подонок. Признаюсь, мне поднадоело слушать этого морального урода – выродка даже среди бандитов. По-хорошему, нечего ему на этом свете делать! Не должно существовать таких людей! Аж палец зачесался на спусковом крючке пистолета, но нельзя давать себе волю. Дело

наклёвывается слишком уж важное, раз вмешались в него англичане, и спугнуть крупную рыбу устранением одного мерзавца – глупо.

– Значит так, Паша. Отныне лавочников ты оставляешь в покое. Нас не интересует, как ты будешь разбираться с попрошайками, но торговцы должны иметь расходный фонд копеек и ломать налаженный большим трудом круговорот денег мы не позволим. Сам по себе факт наличия нового покупателя нашей «продукции» нам, как ты понимаешь, только на руку, но получать монеты отныне будешь только от моего человека и по твёрдой цене рубль за 80 копеек. Торговаться не надо даже пытаться, нам проще найти нового человека на твоё место, а то и выйти на твоих «хозяев» напрямую. Сейчас свободен. Через неделю придёшь сюда же за первым мешком с товаром и заявкой на потребное количество. За мешок с тебя три тысячи рублей ассигнациями.

Совсем не расстроенный бандит весело подмигнул, отвесил шутовской поклон, подобрал палаш и направился к двери. Я подал сигнал, и пашкиных подельников отпустили. Мои люди скрылись в лесу, а бандиты отправились к городу на двух тройках, на которых приехали на переговоры.

VI

Тринадцать закопченных труб. Тринадцать закопченных труб, извергающих клубы густого жирного дыма сырых дров,

медленно ползущие по низкому тусклому небу. Тринадцать закопченных труб, на которые я часами смотрю уже третью неделю, когда больше не могу смотреть на то, что происходит внизу.

После разговора с главарём банды мне стало ясно, что необходимо срочно увидеться с шефом. Нужно принимать политическое решение, возможно, задействовать агентуру в Англии, Франции, германских княжествах. Увы, но самостоятельного выхода на нужных людей у меня нет.

Александр Христофорович ощутимо сдал. Не знаю, что послужило тому причиной, но обычно очень энергичный, следящий за собой мужчина предстал передо мной разбитым стариком. Он едва нашёл в себе силы выслушать мой доклад, но во взгляде его читалась апатия.

Шеф, однако, одобрил все мои действия и приказал установить над бандой самое пристальное наблюдение. Увы, но в тайну заграничной агентуры меня вновь не посвятили, более того – запретили даже думать хоть краешком высунуть нос за пределы России. В Англии будут работать совсем другие, неизвестные мне люди. Вот от результата их деятельности и будет зависеть судьба операции, а пока... Пока я и мои ребята должны быть готовы ко всему, вплоть до уничтожения всех бандитов в любой момент. Что ж, не самый плохой вариант! В конце концов, мне нет и сорока! Давненько я не работал «в поле». Пора и освежить навыки! Не могу, да и не хочу перепоручать наблюдение за викингом другим.

Из окна крохотной мансарды в большом запущенном доходном доме, расположенном в самом центре Лиговки открывается «шикарный» вид на грязную подворотню и тринадцать закопченных труб, венчающих дома этого в высшей мере «фешенебельного» района. Что ж, меня сюда никто не звал, я сам, совершенно добровольно и осознанно выбрал для себя это пристанище. Тем более, на самом-то деле я выбрал именно эту комнату именно из-за вида в окно. Ведь если опустить глаза книзу, на грязный внутренний двор, то взгляд невольно цепляется за оживляющие его сценки из жизни местных жителей.

Лично меня интересует лишь один из достойных обитателей нашего, теперь общего, дома: Паша викинг. О, нет! Он не живёт в этом вонючем притоне! Для жизни у сего достойного мужа имеются вполне приличная квартира на Петроградской стороне и роскошная вилла в пригороде. Но именно здесь, на Лиговке, главарь каждый вечер встречается с подельниками, выслушивает отчёты, проводит «воспитательную» работу с должниками. Потому за villой и квартирой поставлены наблюдать другие люди, а я поселился в этом приюте обездоленных.

Да, надо уточнить! Здесь и сейчас я старый, практически древний еврей из Варшавы Лазарь Моисеевич Нахамкес. Лазарь Моисеевич приехал в Петербург месяц назад, после того, как в Варшаве умерла его жена Ревекка. После смерти жены, единственным близким для старика существом оста-

лась двадцатипятилетняя дочь Мариам, уехавшая пять лет назад в столицу искать счастья, да так и не вернувшаяся в родное гетто.

Увы, молодой вертихвостке, уже почти-таки захомотавшей купца третьей гильдии Сёму Бримана было не до престарелого родителя, появившегося в самый неподходящий момент, и могущего испортить все её высокие планы на жизнь. Марьям со своим шлемазлом женихом прогнали старика, и велели ему возвращаться домой! А куда-таки ехать старому еврею, если его, как есть, нигде не ждут?! Нет, лучше уж он останется здесь и хоть изредка сможет видеть дочь. Глядишь, со временем у неё заработает голова, и отношения наладятся, а он подождёт! Нахамкес видел в жизни многое и на кладбище пока не собирается!

Обо всех этих обстоятельствах своей нелёгкой жизни Лазарь Моисеевич поведал квартирной хозяйке, у которой снял каморку в мансарде за две копейки в неделю в первый же вечер. Жизнь старого еврея отличалась завидным постоянством привычек. Просыпался он поздно, но в каморке своей по утрам не засиживался – шел слоняться по городу. Аккуратно сопровождавший в первые дни старика мальчишка – смешно с моим то опытом было его не заметить – доложил «смотрящему», что новый обитатель бандитского гнезда попрошайничеством не занимается.

Штается часами по городу, чаще всего в районе лавки мелкого купца Семёна Бримана и его же дома, сидит на ска-

мейках, греется в чайной, где, однако, спрашивает только голый кипяток, и вообще – неинтересная личность. Ест мало, обходится подачками мясника в ближайшей лавчонке, который за копейку в неделю отвешивает ему обрезки шкур и хрящи, в изобилии скапливающиеся к вечеру. У булочника, держащего небольшой киоск напротив мясника, Лазарь Моисеевич берёт черствый непроданный за неделю хлеб и тем довольствуется.

На второй день в каморке нового постояльца случился обыск. Пока старый еврей ходил по городу, всё его нехитрое добро тщательнейшим образом переворошили, не нашли ничего представляющего интереса или ценности, и, что характерно, сложили в том же порядке. Как и не было ничего. Но вот волосинки, оставленной на кармане аккуратно повешенного на стул старого лапсердака, я вечером не обнаружил. Были и другие приметы тщательного обыска: сложенное ровной стопкой бельё, которое я укладываю с небольшим винтом, отсутствие полудюймовой щели между стенкой древнего чемодана и краем уложенной в него широкополой шляпы цадика. В общем, проверка пройдена!

На третий день наблюдение сняли, и я смог заняться работой. Вскоре в моей каморке появились очень неплохая зрительная труба, пара пистолетов, блокнот и письменные принадлежности. Не обошлось и без небольшого погребца с приличной едой и напитками – не питаться же, в самом деле, той мерзостью, что вынужден покупать старый еврей!

Впрочем, вопрос питания очень быстро решился самым лучшим образом. Уже к концу второй недели моя квартирная хозяйка увидела ЧТО я несу домой, и со скандалом отняла у меня судок с мерзейшими ошмётками мясницкой работы. С тех пор питаюсь я за общим столом, а стоит это мне всего две копейки, да и те в долг. Самое же главное преимущество общей трапезы – разговоры!

Ну что ещё обсуждать за столом в воровском притоне, как не дела и делишки его обитателей! Между своими тут ничего не скрывается. Самые грязные подробности преподносятся с гордостью! Понятно, в «свои» я попал не сразу... Более того, был почти провальный момент, когда я чуть не угодил в кабалу.

Ел я, как уже говорилось, в кредит, но очень быстро выяснилось, что долги в этих краях принято если не отдавать, то отрабатывать по полной. Старого еврея, не годного на большее, попробовали пристроить к попрошайничеству. Понятно, это меня никоим образом не устраивало! Нужно было срочно придумать способ легализации доходов. Мысли вертелись в голове самые разные. К примеру, Лазарь мог поговорить с кем-то из общины и начать перепродавать краденное. Мог старик заняться и иными, разной степени законности перегоциями, но... Но всё это требовало огромного времени, почти начисто исключало возможность действенного наблюдения за бандитами, да было и просто опасно! Ведь на самом-то деле легенда у Лазаря Моисеевича была далеко

не столь тщательно отработана, чтобы соваться, к примеру, в настоящую еврейскую общину! Там его фальшивая сущность будет вскрыта в момент!

Но выход нашёлся! С молодых лет есть у меня приятель – Иван Обнорский. Он родился и рос до десяти лет на Кавказе, после чего его отца, майора артиллерии, перевели в Петербург. Так вот, в горах мальчик освоил весьма редкое мастерство – фигурную набойку по дереву крохотными кусочками серебра. Искусство это требует сосредоточения, предельной концентрации внимания и огромной усидчивости, но получающиеся «изделия» того стоят!

Иван обучил своему ремеслу и меня. В юности мы часто соревновались, чей нож или пистолет будут украшены богаче и интереснее. Не забросил я этих занятий и после того, как пошёл работать в полицию. Монотонная, требующая сосредоточения работа руками помогает нужным образом сконцентрировать внимание, и часто именно во время изготовления очередного подарочного мушкета ко мне приходило прозрение о том, как же сложить все улики и показания свидетелей по запутанному делу в непротиворечивую картину. Да и сами богато инкрустированные в необычном стиле предметы служат отличным подарком.

Итак, я решился! На следующее утро после деликатного предложения выйти «немного поработать» нищим я подошёл к своей хозяйке с предложением взять в счёт долга небольшой ножичек. После того, как Инесса Ардалионовна

увидела на моей ладони совсем небольшой, но богато инкрустированный серебряной насечкой, нож для разрезания страниц, глаза её заблестели, а я немедленно был препровожден в лавку местного старьевщика. Там и «выяснилось», что нож попал ко мне не «по случаю», а является моим собственным производением.

С этого момента мой социальный статус вырос неимоверно! Оба имевшиеся в наличии ножа и пистолет были куплены за очень хорошие деньги, а вечером меня вызвал к себе Паша.

Не скрою, я весьма мандражил, опасаясь, что уголовник опознает меня и раскроет обман. Но вышло к лучшему! Мой ненаигранный страх был принят как должное – ведь передо мной был грозный главарь самой жестокой местной банды, а я был всего лишь жалким старым евреем. Повертев в руках купленный одним из своих подельников кинжал, Паша приказал меня не трогать, обеспечить всем необходимым для работы, а ему сделать пару пистолетов в той же технике, но чтоб непременно с геройствующими викингками.

Теперь я мог спокойно ходить по местным лавчонкам, питаться нормальной пищей, а главное, совершенно мотивированно расспрашивать всех окружающих о викингах.

Узнал я немало! Паша был из чухонцев. Отец его, Ингвар Сенчавичус, по кличке Одноухий, был потомственным разбойником и воспитал сына в духе семейных традиций крайней жестокости и пренебрежения ценностью челове-

ской жизни. Собственно, людьми как таковыми викинг считал только собственное близкое окружение, остальных причисляя к фраерам, должным обеспечить его всем необходимым и пойти под нож по миновании надобности.

Банду пашиного родителя, устроившую серию мародёрских набегов во время войны с Наполеоном, разделал под орех взвод стрелков четвёртого карабинерского полка, совершенно случайно шедших мимо недавно захваченной бандитами деревушки. Далее у молодого человека была череда ничем, кроме запредельной бессмысленной жестокости, не примечательных преступлений, в итоге которых он и оказался на каторге в Сибири. О дальнейшей судьбе мерзавца я знал с его собственных слов.

Но история историей, а мне нужно было совсем другое. Контакты, связи, информация о готовящихся крупных преступлениях. А вот тут-то было глухо. То есть мелкий рэкет наблюдать можно было постоянно, сарай с мешками, в которых копились копейки, находился как раз в нашем дворе, но кроме порки попрошаек, утаивших часть выручки, ничего по-настоящему значимого не происходило.

Прошло почти два месяца. Удушающая летняя жара сковала город. Торчать в камерке, расположенной под самой крышей и прокаливаемой безжалостным солнцем, становилось почти невыносимо. Мне смертельно надоела роль Лазаря Моисеевича и я уже подумывал, что тому пора «возвратиться в Варшаву», когда мне всё же повезло!

Дворецкий графа Воронцова появился на Лиговке вечером. Я как раз сидел в своей каморке у открытого окна, и заканчивал набивку орнамента на левой щеке рукояти пистолета, предназначенного для Паши. Шум, поднявшийся в доме, заставил меня прервать работу и выглянуть наружу.

Во внутреннем дворе стояли дрожки – открытый экипаж очень хорошей работы, какие нечасто появляются в этих краях. Я понял, что ждал не зря! Осторожно выскользнув из своей мансарды, я крадучись спустился по лестнице к хозяйской гостиной. Больше серьёзного гостя принимать было и негде. Гостиная, как и все хозяйские помещения, была оборудована толстыми дубовыми дверьми, и расслышать, что же там обсуждалось, не представлялось возможным. Я занял пост в чуланчике под лестницей, мимо которого гости неизбежно пойдут к выходу.

Почти два часа проторчал я, скрючившись в три погибели, в душном пыльном чулане! Сидел, прильнув глазом к щели между досками, и ждал. В чулане хозяйка хранила травы, воздух был наполнен невыносимой смесью запахов, и мне почти непреодолимо хотелось чихнуть. Борьба с этим недостойным позывом заняла львиную часть времени, и отняла у меня порядочно сил. Но вот, наконец, в коридорчике, ведущем к парадной, раздались голоса.

Масляная лампа в руках викинга осветила коридор, и я разглядел гостя! Не кто иной, как сам старший дворецкий пребывающего сейчас на юге графа Воронцова! Это была

удача! Удача, на которую я не смел и надеяться! К графу давно возникало множество вопросов по линии Третьего управления, но касались они, в основном, его деятельности на Кавказе. В информированных кругах ходят упорные слухи о достаточно тесных связях графа с горцами, что объясняет весьма странное, если не сказать иначе, течение войны.

Шамилю уже не в первый раз явно позволяют уходить из совершенно безнадежного положения после проигранных им сражений. Война слишком выгодна для целого ряда офицеров и чиновников южной администрации, чтобы вот так её заканчивать. И главный бенефициар – наместник, граф Воронцов.

Но ни одной прямой улики против графа нет. Напротив, он имеет в свете множество влиятельных друзей, и император не раз публично заявлял, что не поверит голословной клевете на достойного чиновника, прекрасно проявившего себя во время войны против Турции. Всё, что говорится о кавказских делах, немедленно объявляется происками завистников Воронцова. И вот, дворецкий столь влиятельного человека почти час беседует с главарём самой бесчеловечной шайки в столице империи. Много бы я отдал, чтобы узнать о чём! Что ж, Лазарю Моисеевичу ещё предстоит поработать на Лиговке. Похоже, в этом прудике водится понастоящему крупная рыба.

VII

Теснейшее наблюдение за дворецким графа Воронцова, установленное с санкции шефа, вскрыло ряд очень занимательных подробностей его жизни. Нет, мне, как представителю тайной канцелярии нет дела до предпочтений уважаемого Апполинария Абрамовича по женской части, до которой он оказался большим охотником. Мне интересна другая сторона его тайной жизни.

Так вот. Выяснилось, что господин дворецкий совершенно негласно занимается не совсем благовидными делами по продаже крепостных. Известно, что точность переписи «душ» у нас поставлена из рук вон плохо, и помещики частенько злоупотребляют продажами неучтённых людишек в обход закона. Продавец торгует пока ещё не внесёнными в списки людьми, а покупатель легализует их, вписывая в ведомости на место давно усопших. Как правило, такие крепостные используются на тяжёлых работах, часто умирают, и заменяются свежими партиями.

У казны, при этом, создаётся ощущение, что помещик чрезвычайно заботится о своих людях, ведь смертность у него в разы меньше, чем у соседей, несмотря на откровенно вредное тяжелейшее производство. Такие помещики получают от казны субсидии, их награждают орденами и медалями, приглашают во всевозможные государственные учреждения. Они всегда в почёте, и слывут большими гуманистами. А по полам сюртуков у этих бездушных тварей, иначе назвать их я не могу, стекает кровь тысяч замученных му-

жиков.

Но к чему это я? Выяснилось, что уважаемый Апполинарий Абрамович является не только дворецким графа Воронцова, но и крупнейшим в районе столицы торговцем живым товаром. Его родная сестра, Анфиса Абрамовна управляет огромным поместьем графа, служащим в качестве пересыльного пункта и рынка для нелегальной торговли людьми. Среди крестьян её зовут не иначе, как «кровоавой барыней». В то время, как за издевательство над крепостными обычного помещика могут даже лишить дворянства, у Анфисы Абрамовны нравы царят более чем необычные. Ведь почти все крепостные здесь из числа «несуществующих». Они отлично знают свою грядущую участь, и готовы на всё, лишь бы задержаться на этом, последнем в своей жизни, полустанке по дороге к каторжным работам и смерти.

Под присмотром «кровоавой барыни» действует притон, где проверенные, надёжные, а главное – богатые люди могут удовлетворить самые низменные свои желания. Тут собираются последователи маркиза де Сада и любители ещё более мерзких развлечений с мальчиками и девочками.

Понятно, что тайна соблюдается самая строжайшая. Понятно и то влияние, которое приобрёл граф Воронцов в обществе, имея столь убедительный компромат. Ведь среди постоянных гостей поместья немало влиятельнейших людей света, и даже сам...

Конечно, в случае чего, граф отмажется. Сделает крайним

того самого дворецкого, о тёмных делишках которого якобы ничего и не знал. Но открытое беззаконие должно быть пресечено! Ведь именно для борьбы с подобными злоупотреблениями и бесчеловечной жестокостью власть имущих и создавалось наше Третье отделение тайной канцелярии! Император не просто так вручил шефу чистый носовой платок, ставший символом нашей организации! Борясь с беспределом зажавшихся помещиков и олигархов мы должны утирать этим платком слёзы страждущих!

Нужно сказать, что страждущих за последнее время весьма прибавилось, и терпение нашей организации на пределе. Прошёл уже год с того памятного весеннего дня, когда меня пригласили на разговор к шефу и я узнал об афёре с копейками.

Время это не пропало даром. Мы вышли на преступников, осуществляющих деятельность у нас дома, ждём вестей из-за границы об истинных организаторах этого громкого дела. Я успел вспомнить прошлое и поработать «в поле», изображая старого еврея Лазаря Нахамкеса. Нахамкес втёрся в окружение главаря банды, орудующей в столице, узнал много интересного, но функция его была конечна, и зимой он «вернулся на родину в Варшаву».

По правде сказать, мои люди рвутся в бой и готовы начать самосуд. Потому вчера я отправился к шефу с настоятельной просьбой санкционировать силовую акцию по пресечению работорговли. С открытием навигации за границу планирую

ется продать сразу несколько сот крестьян, и у нас появляется шанс застать с поличным ублюдков, живущих в буквальном смысле на крови соплеменников. В поместье графа Воронцова решил ехать сам шеф, мне же поручена морская часть операции – нужно перехватить работоторговцев непременно после погрузки людей на корабль, но до того, как они затеряются в открытом море. Дописываю эти строки, собираю вещи и иду к порту, где меня уже ждёт шлюпка с патрульного корабля, выделенного нам для этой операции флотом.

VIII

Две недели назад стало известно, что подручные графа Воронцова договорились о продаже крупной партии рабов. Информаторы сообщили не только о самом факте сделки, но и о предполагаемом месте погрузки живого товара на корабль, который должен доставить рабов новому хозяину. К сожалению, название судна осталось нам неизвестным. Интересно, что для охраны живого товара дворецкий графа, Апполинарий Абрамович Федотов, задействовал людей самого бесчеловечного, пожалуй, бандита Санкт Петербурга и окрестностей Паши Викинга.

Брать злодеев нужно было с поличным, но как? Единственный выход – одновременная атака с суши с моря. Организовать подобную операцию своими силами не представ-

лялось возможным, и я обратился за содействием. По проекции шефа для сухопутной части операции командование округа выделило эскадрон улан, а для перехвата «купца» – бриг пограничной стражи «Стрела».

Больная нога не давала мне шанса на полноценное участие в сухопутном сражении, и я предпочёл крепкую палубу брига, на которой и пишу эти строки, облокотясь на планшир.

Погоня продолжается уже восемь часов. Пользуясь лёгким утренним бризом, «Стрела» вышла в район выборгской губы. Мы успели пройти не более семи миль от входа в бухту, когда с мачты раздался крик «парус на горизонте».

Конечно, это мог оказаться любой случайный корабль, которых немало в этих водах. И, тем не менее, совпадение времени, места и предполагаемого курса замеченного судна с нашими ожиданиями вселили в меня надежду. Капитан приказал лечь на другой галс.

Очень скоро стало ясно, что с видневшегося на горизонте судна нас заметили, там тоже переложили руль, но «Стрела» – один из лучших ходяков во флоте и уйти от неё непросто. Спустя два часа точка на горизонте превратилась в облачко, а ещё через три стало окончательно ясно, что мы преследуем большой корабль с парусным вооружением фрегата.

Легкий западный ветерок не позволял идти более семи узлов, расстояние между кораблями постепенно сокращалось

и уже становилось ясно, что до вечера погоня, так или иначе, завершится. Однако, как рассмотрел в подзорную трубу капитан, с преследуемого судна что-то постоянно выбрасывали за борт. Видимо, избавлялись от контрабанды, ибо не опознать в нас пограничную стражу было невозможно.

Громко прокляв своего предшественника, содержавшего «Стрелу» в таком отвратительном состоянии, что лёгкий бриг, несущий все возможные паруса вплоть до триселей, не мог быстро догнать жалкого купчишку, молодой капитан, скрепя сердце отдал приказ поднимать бом-брам-стенгу на грот мачте. Стенга, как мне объяснил стоящий рядом помощник капитана, была пересохшая и не вызывала ни малейшего доверия, но бом-брамсель сейчас был необходим как воздух хотя бы на время.

От грустных мыслей, что кроме груза, капитан убегающего «купца» сейчас может топить и рабов, меня оторвал новый крик марсового «Парус на горизонте». Решив лично посмотреть, что же увидел марсовый, капитан мигом взлетел на мачту со своей подзорной трубой. Оставалась призрачная надежда, что навстречу движется русский фрегат, тогда у взятого «в два огня» противника не осталось бы ни одного шанса на бегство, однако то, что капитан увидел на горизонте, не было фрегатом! Это вообще не было плодом рук человеческих. Огромная чёрная туча быстро приближалась к бригу, несясь на пересечение его курса практически в лоб. Я ни разу не попадал в подобные шквалы, но слышал о

них немало. Для раздумий времени не оставалось, надо было срочно действовать!

Прямо с марса полетели приказания: – «На бом и брамшкотах стоять! Марса фалы держать на руках!» Спустившись на палубу и дождавшись выполнения предыдущих приказаний, капитан продолжил: «Руль под ветер! Бом и брамшкоты и марса-фалы отдать – тянуть гитовы!» И вслед за тем: «Отдать марса-шкоты, фока и грота-шкоты и галсы!» К тому моменту, когда грозная туча нависла над носом брига, все шкоты успели отвернуть с планок и везде тянулись гитовы.

Бриг с невероятной быстротой бросился к ветру, дувшему ещё от веста, и, словно существо разумное, спешил поставить себя в положение наивыгоднейшее для встречи нового грозного противника. Момент замедления – и «Стрела» подверглась бы неизбежной гибели, но жесточайший шквал, один из тех, что случаются в этих местах в весеннюю пору, разразился над бригом тогда, когда он уже укатился от своего прежнего курса на четыре румба и ударил практически в параллель его реям с подветренной раковины. Все паруса, кроме подветренных частей фока и грота заполоскали, но бриг не потерял хода, руль был положен на борт, и скоро заполоскали и нижние паруса. Несмотря на эти приготовления, удар шквала был так жесток, что рангоут затрещал во всех своих составах и «Стрела», застонав от внезапного напора, накренилась почти на пятнадцать градусов, но продолжила пово-

рот. Когда ветер пришёл на линию фордевинда, все паруса взбросило над их реями, гитовы вырвало из рук матросов, а все шкоты высучило из планок и кнехт.

Неимоверным усилием троих рулевых руль отвели в прямое положение, реи поставили прямо и бриг птицей устремился по направлению ветра, который, однако, быстро определил судно и позволил послать людей наверх, приводить в порядок такелаж и паруса.

Проводив тяжёлого гостя, мы с капитаном обратили подзорные трубы на купца. Вместо стройного и прекрасного легкокрылого великана нашим взорам предстало нечто, напоминающее плавающий закрытый понтон: все три стены, сложенные со всем рангоутом, брошены были одним ударом на правую сторону судна, а марсели с брамселями, совершенно покрыв топы мачт, образовали огромную неправильную палатку. После непродолжительного затишья восстановился прежний ветер, и мы с облегчением положил свой бриг на новый галс. Нам осталось только подойти к беспомощному противнику, чтобы доделать то, ради чего всё и затевалось.

Это и впрямь был фрегат! Нет, не «купец» с парусами фрегата, как мы думали раньше. «Софи» была настоящим специализированным судном для торговли живым товаром, построенным явно знающими толк в судостроении людьми. От боевого корабля наш приз отличался только отсутствием орудийной палубы. Работорговец был построен в Тулоне. Совсем новое, всего два года, судно с медной обшивкой под-

водной части и чудесными ходовыми качествами имело все шансы уйти. Команда здесь была собрана с бору по сосенке: капитан француз Анри Мориньян, офицеры голландец, португалец и польский еврей, а матросами служили, по виду, все без исключения, народности на планете. По крайней мере, китайцы и негры в команде имелись!

С нескрываемым волнением поднялся я на палубу «Софи». За те полчаса, что потребовались нам на сближение и спуск катера, команда торговца несколько привела корабль в порядок. Обломки рангоута были выброшены за борт, и теперь ставились временные паруса, на которых можно доползти до ближайшего порта. Не стоит и говорить, что пока лейтенант выяснял отношения со шкипером, я во главе партии матросов ринулся к трюму! Они были живы! Живы все!

Мы не знали, кого именно продаёт Воронцов, ожидали увидеть крепких мужиков для тяжёлой работы в шахтах и на плантациях, а тут... Сотня девушек да две сотни мальчишек. Все от девяти до пятнадцати лет. Осторожные расспросы показали, что многих детей украли цыгане и евреи, ходившие по сёлам, но были и проданные собственными родителями. Увы, но пороки нашего общества не знают границ! Возмутительно и совершенно невыносимо, но факт остаётся фактом! Не только вконец спившиеся отцы семейств, но даже матери продавали своих дочерей работоторговцам графа Воронцова! И среди этих, с позволения сказать, родителей не было крепостных! Только вольные государственные крестьяне и раз-

ночинцы! Позор! Водка и жажда поживы довели до того, что дети с младенчества знали – их родили на продажу!

Совсем это не походило на обычные делишки Апполи-нария Абрамовича. Понятно, почему ему понадобился Ви-кинг! Они организовали новый канал получения рабов, а мы то и проспали! Покупать неучтённых крепостных у хозяев дорого, рынок этот узок, и предприимчивым работорговцам пришла в голову «шикарная» идея – задействовать банди-тов!

Показания освобождённых на «Софи» детей ввергли в шок не только моряков «Стрелы», но даже меня! Что уж тут удивляться, что у нас появляются выродки типа Паши ви-кинга! Родители этих детей куда как страшнее! Я буду ходатайствовать, чтобы спасённых детей не возвращали продав-шим их родителям, а воспитали за счёт государства! А ви-кингу, наладившему подобную «торговлишку» не жить! Это я решил твёрдо!

Уже возвращаясь в Кронштадт, я узнал от помощника ка-питана «Стрелы» о том, как случилось, что опытная команда «Софи» допустила столь чудовищную оплошность. Сомне-ваясь, что фрегат в состоянии оторваться от брига, безоши-бочно опознанного опытными офицерами по особенностям рангоута, капитан фрегата думал, что одна крайность может заставить его убавить парусов. И хотя он ясно видел грозную тучу перед носом фрегата, но полагал, что она скорее разра-зится дождём, нежели ветром, ибо свежий брамсельный за-

падный ветер дул уже восемь часов к ряду.

Однако ж на фрегате всё было готово к шквалу: люди расставлены были на шкотах и фалах, и если б капитан самую малость не ошибся в направлении шквала, то всё обернулось бы совсем иначе. Ожидая шквал точно с носа, и рассчитывая, при восьми узлах хода успеть спуститься под ветер и принять его с правой стороны, с которой дул и прежний ветер, он велел положить руль право на борт. «Софи» быстро покатила под ветер, но не имела времени уклониться более трёх румбов от курса. Удар шквала столь быстро и столь сильно налетел с направления, почти противоположного прежнему ветру, что направление его пало перпендикулярно реям и всей парусности фрегата с подветра.

Для уничтожения рангоута понадобился один миг: с жестокою силою бросило фрегат с левой стороны на правую, всё повалилось на правый борт и рангоут с треском обрушился туда же. Всего минутой раньше положенный руль позволил бы фрегату повернуть ещё на восемь румбов и встретить шквал во всеоружии. Так минута промедления сыграла роковую роль для работорговцев и спасла три сотни детей от страшной участи. Что за мешки бросали в воду во время преследования, так и осталось загадкой. Матросы уверяли, что были они тяжёлыми, а хранились в капитанской каюте... Видно, было что-то ещё, помимо работорговли, чего следовало опасаться месье Мориньяну, ну да Бог с ним.

Вот, наконец, кажется, настал и мой час. Час ставить в этой истории точку. Вчера я разговаривал с Алесандром Христофоровичем, и он дал мне добро на ликвидацию банды викинга. В Англии у нашего человека всё прошло хорошо, угрозы для финансовой стабильности империи больше нет, и с разгулявшимися преступниками пора кончать.

Я редко настаиваю на столь жёстких акциях, как теперь, ведь человек, как правило, может исправиться. Примером тому многочисленные святые, бывшие изначально страшными разбойниками. Но сегодня терпение моё, да и не только моё, а всех посвящённых, истекло. Настало время применить высшую меру! Нет, не меру наказания, а меру защиты общества от неисправимых выродков, вроде банды Паши Викинга.

За тот год, что мы наблюдаем за Пашей, он лично и его подельники зверски убили более полусотни человек. Да, всё это были не лучшие представители общества: скупщики краденного, попрошайки, контрабандисты и проститутки. Наиболее невинными жертвами банды стали трое беглых крепостных, которых показательно зажирили на медленном огне, чтобы у остальных рабов, готовившимся на продажу на чёрном рынке, даже мысли не возникало о сопротивлении или попытке к бегству.

А ещё были дети! Дети, которых продавали в рабство за-

частую их собственные родители и дети, которых похищали по всей стране и везли к Паше и его подельнику Апполинарию Федотову. Несколько сот из этих детей мы спасли. Их сняли с судна работорговцев, когда оно уже покинуло Финский залив, готовясь направиться в один из германских портов. Наш люггер, заблаговременно предупреждённый о поставке «живого товара», поджидал мерзавцев на траверзе Гельсингфорса. Среди рабов не было мужчин – сотня молоденьких девочек от десяти до пятнадцати лет, и мальчики от восьми до двенадцати. От капитана работорговца мы узнали, что рейс планировался короткий – до Данцига. Страшно представить, что ждало их на германской земле.

Теперь дети возвращены родителям, у которых были украдены. А почти сотня тех, родителей которых найти не удалось, как и те, кого родители сами продали в рабство, попали в специальный пансион жандармского корпуса. Из них вырастут верные сыны и дочери отечества.

Но спасённые жизни ни в коем случае не оправдывают замученных товарищей. Сегодня со мной те, кто целый год наблюдал за бандитами. Я уверен, ни у кого не дрогнет рука на спусковом крючке. Сводная рота отдельного корпуса жандармов разделена на восемь ударных групп – по числу одновременно планируемых операций. Я руковожу самым большим из отрядов – мы берём главаря.

Сегодня викинг отдыхает. Главарь, вместе с десятком наиболее приближённых подельников отправился загород. Тут

у Паши давно прикуплен большой терем с банькой и собственным озерцом. Терем, что очень удачно, стоит вдалеке от другого жилья за двухметровым частоколом из заострённых брёвен.

Частокол, как и скучающие на своих постах пашкины охранники, нам не помеха. Нет нам сегодня дела и до шума. Полсотни жандармов не собираются оставлять свидетелей нынешней акции. Доподлинно известно, что даже единственная находящаяся с бандитами женщина глубоко и неизлечимо психически больна: она неоднократно лично убивала ни в чём не повинных, наслаждаясь самим процессом.

Потому наша операция начинается необычно. Мы не стали подставлять своих людей даже под шальные пули. Четыре лёгких ракетных станка ударили одновременно, послав по терему три зажигательные ракеты и одну фугасную по участку частокола, выходящему на задний двор. В пролом устремилась группа захвата, и почти одновременно открыли огонь стрелки, расположившиеся на окрестных соснах.

Уже при стрельбе на несколько сот метров кучность боя нарезного ружья в разы выше, чем у гладкоствольного. Однако пять минут, необходимые для его заряжания, делают это прекрасное оружие почти бесполезным в реальном бою. Сейчас стрелки имели по десять заранее заряженных нарезных штуцеров и по три помощника, заряжавших использованное оружие. В итоге, пятеро стрелков не оставили выбегающим из горящего терема шансов на реальное сопротивление.

ление группе захвата. Всё было кончено за десять минут.

Викинг не погиб при ракетном ударе. Избежал он и шальной пули одного из наших людей, получивших приказ брать главаря живьём. Раненный в обе ноги предводитель разбойников потерял сознание от болевого шока, но сейчас приходил в себя. В глазах прояснялось, боль отступала, и он увидел над собой склонённое лицо Григория Ивановича – представителя монетного двора, после встречи с которым дела бандита резко пошли в гору.

Впрочем, уже при первой встрече в голову Пашке закружилась мысль, что не финансистов представляет этот до чрезвычайности жёсткий господин, в распоряжении которого имелись головорезы, способные молниеносно и беззвучно повязать его парней. Но так и что? Работать под «крышей» властей было более чем комфортно, можно было совсем уже ничего не бояться, а он, Пашка, был властям в лице Григория явно нужен. Похоже, что теперь что-то изменилось.

– Да это он, – тихо произнёс я, обращаясь к Александру Христофоровичу Бенкендорфу, лично подъехавшему на место операции. – Мы подлатали его, дали лауданума, чтобы не умер от болевого шока и дождался вашего приезда.

– Что ж, раз пришёл в себя, то выслушай приговор заочного, но справедливого суда: за совершение многочисленных убийств с отягчающими обстоятельствами Павел Александрович Грицко, он же Паулюс Сенкявичус приговаривается к смертной казни через расстрел. Приговор окончательный,

обжалованию не подлежит, – произнёс шэф.

Я достал пистолет взвёл курок, проверил затравку на полке и с огромным удовольствием вышиб этой падле мозги, выстрелив между глаз. Сожалел я только об одном – что не мог прервать эту поганую жизнь раньше. Ведь теперь те жертвы разбойников, которых они убили и покалечили за год, лежат и на моей совести.

Х.

Я вновь сижу в уютной кофейне «Три кита» на Невском с чашкой свежайшего горячего шоколада в руке. Сижу, и размышляю над превратностями судьбы. Два дня назад мы покончили с бандой Викинга, которую терпели целый год, опасаясь выпустить из-под контроля ситуацию с оборотом наличных копеек в стране. А на самом-то деле? Я говорил с вернувшимся из Англии человеком. Ему удалось выяснить всю подноготную этой истории, и теперь мы точно знаем, что имели дело отнюдь не с недружественной деятельностью государственных структур! Нет! В этом ужасном деле встретились гениальность изобретателя самоучки, беспринципная жадность преступников и наша трусость! И столь вопиющее сочетание привело к гибели множества ни в чём неповинных людей! Я сижу, и пытаюсь представить, как же это начиналось там, на далёких островах.

Генри решал сложную задачу – как дотянуть до конца недели. Вчера к нему пришла его любимая сестрёнка Александра, показала свой новый альбом акварелей, который она готовила к участию в выставке. Молодой человек конечно не мог не поддержать сестру, хвалил альбом и в приступе альтруизма пообещал сделать золотые надписи ко всем работам. Он сбегал до ближайшей галантерейной лавки и заказал золотой порошок. Вечер прошёл просто чудесно: Александра

была полна оптимизма и Генри искренне радовался за сестру и желал ей успеха... а утром пришёл галантерейщик... Нет, ну кто мог ожидать, что проклятый «золотой» порошок стоит настолько дорого?! До того дня у Генри оставалось ещё 20 шиллингов, а в конце недели он должен получить целых 2 фунта за бронзовую статуэтку Афины для одного сноба с Бонд стрит. Он-то думал, что цена тому латунному порошку, что зовётся «золотым», пара пенсов за фунт, но никак не 7 шиллингов за унцию!

Но почему, почему так невысказанно дорого?!...С другой стороны...если порошок так дорог, то может стать тем самым золотым дном, о котором молодой человек так долго и тщетно мечтал! Это же колоссальный доход – медь раз в 200, а может и в 300 дешевле порошка, всего то и надо её измельчить! Эти кустари-галантерейщики наверняка делают всё вручную! Отсюда и высокая цена, но он-то точно сумеет приспособить к делу машину, и тогда! О тогда – богатство, слава, а главное – Анна наконец станет его женой!

Вот уже два года, как Генри влюблён в красавицу Анну Аллен, он даже сделал предложение, но отец невесты неумолим. Брак будет заключён не раньше, чем жених твёрдо встанет на ноги и сможет обеспечить будущую жену. И юноша принимается за работу: токарный станок есть, меди в мастерской хоть отбавляй, всего то и делов, изготовить нужный резец!

Последние несколько лет молодой человек перебивался,

изготавливая картонажи и отливая из бронзы на заказ всякую мелочь. Он всю жизнь мечтал найти своё эльдорадо, но до сих пор ему фатально не везло. Генри понимал, что работая на других, разбогатеть в Англии невозможно. В то же время он видел, как немисливо разбогатели промышленники, механизировавшие своё производство – паровая машина изменила жизнь в Англии как раз во время его детства, но... он опоздал, безнадежно опоздал! Отец почти разорился со своим литейным заводиком и только контракт с издательством Кэзлона позволил тогда удержаться на плаву, а потом и открыть свою крохотную словолитню. Впрочем, ему, младшему сыну, от этого не легче. Он должен сам добывать свой хлеб.

Удача пришла к Генри не сразу. Долго и с остервенением он бился у станка, но на выходе получалась лишь бронзовая пыль! В отчаянии молодой человек отправился в паб, и вот там фортуна ему улыбнулась! Он встретил своего старинного приятеля химика, занимавшегося подделкой крахмала и сумел одолжить у того микроскоп. Вот тогда-то он и увидел разницу между своей пылью и «настоящим» золотым порошком! И немедленно был найден выход из положения, теперь дело стояло только за деньгами. Но где их взять?

Под честное слово необходимых сумм не получить, патентовать изобретение нельзя, иначе найдутся умники, которые в Америке, Бразилии, да той же Германии немедленно начнут выпускать порошок тоннами. Нет, всё должно сохра-

ниться в величайшей тайне!

Чтобы получить деньги на первый образец машины Генри продаёт разработанный им способ подделки гербовых марок! Юноша был трусом, и после долгих размышлений решил всё же не связываться с преступниками, ведь в отличие от мелкого мошенничества за подделку гербовых марок можно было получить реальный срок, а то и петлю. Он поступил иначе.

Уже через несколько дней после принятия судьбоносного решения Генри входил в кабинет директора департамента внутренних доходов сэра Чарльза Пристли. После обязательного обмена любезностями юноша достал из свёртка двенадцать гербовых марок и попросил определить, являются ли они подлинными. Тщательно осмотрев марки в огромную лупу сэр Чарльз отложил 2, вызвавшие у него сомнения.

– Мне кажется, тут более двух фальшивых марок, заметил Генри.

– Откуда Вам это знать?

– Просто потому, что я сам их подделал, отвечал Генри с улыбкой. Тут шесть поддельных и 6 настоящих марок.

– Не слишком ли легкомысленно вы рассуждаете об этом предмете, молодой человек?

– Вот Вам доказательство, сэр Чарльз. Это листы бумаги из СЕРЕДИНЫ которых вырезаны эти фальшивые марки. Вы же прекрасно знаете, что на казённых станках нельзя оттиснуть марку в середине листа – только по краям. Я по-

казал Вам всё это только для того, чтобы доказать, насколько легко можно подделывать ваши марки. Я открыл способ, с помощью которого любой канцелярский мальчик без специального образования и без навыков может сделать металлический штамп с бумажного оттиска и штамповать ваши марки за пару пенсов в неограниченных количествах. Но я же изобрёл и способ, как впредь избежать подобных злоупотреблений.

Пристли был раздосадован. Он, опытный эксперт попал в такое неприятное положение. Но делать нечего, надо выслушать молодого мошенника и возблагодарить Бога, что он пришёл к нему, а не начал штамповать марки и продавать их на чёрном рынке.

– Чего же вы хотите от нас, молодой человек? Спросил Пристли.

– 600 фунтов стерлингов, и Вы получаете способ избежать мошенничества. А чтобы Вы не обманули меня, мы заключаем об этом контракт и нотариально его заверяем.

– Как Вы могли подумать, что мы Вас обманем?! Но, будь по-вашему.

Получив вознаграждение, Генри со смехом сообщил директору департамента, что достаточно включить в штамп число, месяц и год применения. Это автоматически исключит использование старых марок и девяносто девять процентов подделок, поскольку для образца нужна будет марка с документа от того же числа. Сэр Пристли был вынужден при-

знать правоту юного мошенника и безнадёжность своей позиции в возможном суде. В конце концов, 600 фунтов не те деньги, а Бессемер, такова была фамилия молодого негодяя, сэкономил казне гораздо больше.

Так, не нарушая закон молодой изобретатель получил первоначальный капитал для изготовления первого опытного образца своей машины по производству золотого порошка.

Спустя полгода упорных трудов, в мастерской наступил день испытания – день триумфа молодого гения. На этот раз машина действовала если и не идеально, то работу её можно было назвать уже коммерческим успехом – один из импортёров согласился покупать у Бессемера порошок, пусть и за полцены. Более того, он предложил пятьсот фунтов стерлингов в год за право монопольно пользоваться оборудованием Бессемера. Но разве такое предложение могло его удовлетворить?! Он мечтал стать монополистом!

Но для этого нужны поставки по настоящему качественного сырья и надёжный партнёр: человек, который профинансирует предприятие и не бросит, когда посчитает выгодным. С сырьём Генри определился быстро – идеальный золотой порошок получался только и исключительно из русских копеек.

За партнёром тоже дело не стало: Генри вспомнил своего старинного знакомого Юнга – фабриканта материи из Лилля. Как то он уже работал на Юнга, претворял в металл его

идею словонаборной машины, которую тот с успехом продал во Францию. Потом Юнг купил у юноши его оборудование по оттиску на плюше со всеми правами на изобретение. Это определённо был тот человек, который ему нужен – с капиталом, связями, смелый, свободно мыслящий, и, что важнее всего, со своими принципами. Джеймс Юнг никогда не бросал партнёров, Генри об этом знал, и решил поставить на партнёрство именно с ним.

Именно Юнг через свои связи организовал закупку в Петербурге копеек в промышленных масштабах. Дельцу не было дела до того, как именно он получит искомое, и он без колебаний санкционировал расходы на привлечение к сбору необходимого товара откровенных бандитов Паши Викинга. Так же, без малейших колебаний, он их и сдал, мгновенно согласившись на альтернативные поставки копеек на более выгодных условиях, предложенные нашим человеком.

А Генри... Генри очень талантливый молодой человек, и я не удивлюсь, если ещё не раз услышу его имя – имя Генри Бессемера.

Послесловие

«Пенелопа» пришла в Лондон с утренним приливом. Среди тысяч заполнявших причалы великого города кораблей и судов она ничем не выделялась, и, казалось, найти этот небольшой барк для любого, кто не знал точного места его стоянки, было непосильной задачей. Но так только казалось. За прибытием брига кроме хозяев следила ещё одна пара глаз, вооружённых отличной подзорной трубой. Глаза эти принадлежали пожилому, но ещё очень крепкому мужчине, в котором всякий бывалый человек с первого взгляда угадывал моряка.

Высокий, крепко сложенный моряк был одет в тёмно-зелёный твидовый жакет, из-под которого выглядывала льняная рубаха не первой свежести, парусиновые штаны и крепкие башмаки из буйволового кожи. На голове его возвышалась потертая просоленная треуголка старомодного фасона, а в свободной от подзорной трубы руке дымилась ладная пенковая трубка.

Оторвав взгляд от трубы, моряк сделал две глубокие затяжки отличным венесуэльским табаком, который предпочитал всем иным сортам, и достал из нагрудного кармана большие серебряные часы размером с луковицу. Так повторялось ещё в течение получаса, пока барк медленно полз к

соседней пристани, а потом Пью, так звали моряка, щёлкнул пальцами и возле него мигом оказалось несколько человек, внимательно слушающих «шефа».

Когда «Пенелопа» начала разгрузку, никто не обратил внимания на нескольких шатающихся по причалу докеров самого непримечательного вида и двоих явно мелких клерков из тех, что весь день снуют по лондонским улочкам, разнося бумаги между многочисленными конторами. Уверенного, что теперь он узнает о грузе «купца» всё, моряка уже не было ни на соседнем причале, ни вообще в портовом квартале.

Пью верил в профессионализм своих сотрудников, с которыми уже не раз проворачивал дела за гранью официального закона. Он мог спокойно отправляться в принадлежащий ему паб. Вечером ему подробно доложат куда доставлен груз и они с недавно приехавшим в Лондон резидентом решат, кто и под какой легендой пойдёт на давно назревший контакт с господином Бессемером.